

ФРАГМЕНТЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ
ректора СПбГУП А. С. ЗАПЕСОЦКОГО

на заседании

Клуба председателей отраслевых профсоюзных организаций
Санкт-Петербурга и Ленинградской области

26 марта 2014 года

Что такое профсоюзы и какова должна быть профсоюзная политика, все присутствующие знают не хуже меня, а скорее всего лучше. Я все свои взгляды излагаю в печатных работах — книгах и статьях. В частности, четыре года назад написал об Украине в «Российской газете», и в той статье объясняется многое из происходящего сегодня. Сейчас я хотел бы выступить в клубном формате с изложением некоторых своих взглядов на происходящее, потому что многое всегда остается за скобками публикаций.

Тема профсоюзов интересует меня уже много лет. Я с 19 лет занимался профсоюзной работой, еще с тех пор как был заместителем председателя студенческого профкома крупного вуза. А сегодня в силу специфики моих научных исследований рассматриваю профсоюзы как явление культуры в рамках общего культурного развития, включая проблемы глобализации и локализации, национально-культурные конфликты и т. д.

Несколько слов о событиях на Украине. Предлагаю обратить внимание на несколько любопытных фактов, которые, на мой взгляд, важны для понимания того, что там происходит. Мне звонил ректор украинского профсоюзного вуза, но, к сожалению, в тот момент меня не было в университете и я не смог с ним побеседовать. Коллеги передали, что он хотел объяснить ситуацию: российские средства массовой информации лгут, а на самом деле в Киеве все хорошо, наступила

настоящая демократия, власть у правильных людей и т. д. Слушая коллег, я подумал, что, если бы сам с ним говорил, то первым делом задал бы вопрос о Доме профсоюзов. У вас все хорошо, но ваш дом сгорел, да и вся страна в сущности сгорела. Это нормально с точки зрения профсоюзного движения?

Мне больно за профсоюзы Украины и Белоруссии, которые, с нашей точки зрения, вынужденно находятся в, скажем так, странном положении. А о том, что происходит с профсоюзами, например, Азербайджана, Армении, Грузии, Молдавии, даже в узком кругу говорить не хочется. В Казахстане ситуация несколько лучше. Я недавно был там, встречался с главой казахстанских профсоюзов. На этот пост избран государственный деятель, бывший министр. Надеюсь, его деятельность будет успешной. Но, конечно, такого влияния на политические процессы в стране, какое имеют наши профсоюзы, нет ни в одной стране, образовавшейся на пространстве Советского Союза.

Мы должны понимать, что по менталитету сильно различаемся не только с западной частью Украины, но и с восточной, и даже с Крымом. Украина трагически криминализована. У меня достаточно много западноевропейских партнеров, имеющих бизнес на Украине. Сопоставляя Россию и Украину, они говорят о невероятной разнице в менталитете и укладе экономической жизни. Мы даже вообразить не можем, каких масштабов там достигла коррупция. Россия по сравнению с Украиной — высокоцивилизованное государство, хотя все мы знаем про наши так называемые «распилы» и прочие безобразия.

Я несколько раз присутствовал в Москве на заседаниях коллективных профсоюзных органов разного уровня. Некоторые участники задавали вопрос: «Зачем нам поддерживать Путина на выборах? У нас к нему много претензий». Меня удивляла такая позиция. А сейчас, в свете текущих событий, было бы интересно сравнить Россию с Украиной и

понять, что у нас было бы, если бы начиная с 2000-х годов мы хоть однажды не избрали Путина. Я никогда не соглашусь с ним в том, что касается реформы Российской академии наук и реформы образования. Но давайте посмотрим, что он сделал для государства. До его прихода к власти происходило слияние олигархов и чиновников, но при этом олигархи были выше, командовали чиновничеством, помыкали как хотели. На Украине подобное положение сохранилось до сих пор. Многие украинские бизнесмены живут в Швейцарии и других странах Запада и буквально разоряют Украину. В России же мы видим, как государство подчиняет себе все больше крупных корпораций. Да, нам не нравятся госкорпорации, не нравится, как работает Газпром и многие другие структуры. Невооруженным глазом видно, что они функционируют хуже, чем это было при советской власти, то есть система менее эффективна. Но мы сравниваем с тем, что, как теперь стало понятно, работало очень хорошо. А на примере Украины видно, что все может быть еще неизмеримо печальнее. Когда некто Коломойский руководит украинскими корпорациями из Швейцарии, то в стране, конечно, нет места ни для нормального профсоюзного движения, ни для устойчивого, достойного социального развития. Отсюда вся эта дикость и голодомор, который теперь свалился на Украину. Причем мы присутствуем при начале трагедии. А что там будет дальше?

Я побеседовал с нашим послом в Лондоне, задал ему один из наиболее интересных для меня вопросов — о позиции Китая в сегодняшнем глобальном конфликте. Российские средства массовой информации по-разному трактуют ее, иногда бывает трудно разобраться, где факты, а где пропаганда. Часть СМИ подают информацию так, будто Китай разделяет точку зрения США, другие говорят о том, что китайцы в мягкой форме одобряют Россию. Так вот, наш посол подтвердил, что Китай однозначно поддержал Россию. Правда, китайцы не выступают

резко, не участвуют в эмоциональной составляющей конфликта, но они дали понять, что в случае с Украиной согласны с Россией. Для нас это очень важно.

Еще один важный момент: «Большая восьмерка» умерла. Понятно, что формат G8 уже никогда не будет существовать, потому что Россия туда не вернется. Но мне было интересно, что будет с G20, так как промелькнули сообщения, что в следующий раз встреча «двадцатки» состоится в Австралии, а власти этой страны не собираются приглашать Россию. На самом деле ничего подобного не происходит. Исключить нашу страну из G20 нельзя никоим образом. Более того, среди участников «двадцатки» большинство на стороне России: помимо Китая, с нами согласны Индия, Аргентина и многие другие. А Запад оказывается в явном меньшинстве.

Но самое интересное: вырисовывается ситуация, в которой геополитическая победа, безусловно, будет за Россией. Тут сыграют роль несколько крупных факторов. Прежде всего Запад не сможет прокормить Украину. Соединенные Штаты не желают тратиться, вместо этого они хотят заставить платить Западную Европу и таким образом вбить клин между нами. А Евросоюз платить не может, потому что Греция ожидает обещанные миллиарды евро, Кипр тоже требует несколько миллиардов на восстановление своей экономики, так что 20–30 млрд, нужных Украине для краткосрочной стабилизации взять неоткуда. При всех неприятностях и скандалах, которые на нас посыпались, наверное, в каком-то смысле нам повезло, что эту парализованную страну сейчас получил Запад вместе с необходимостью за нее платить. Мы в долгосрочной перспективе не смогли бы потянуть такой груз — поддержку нежизнеспособного режима Януковича. Вслед за тремя миллиардами ушли бы еще 15, а потом обнаружилось бы, что огромные деньги надо выбрасывать на ветер каждые

полгода. Поскольку у Евросоюза на это денег нет, негативные процессы на Украине усугубляются, и в ближайшие месяцы возможна катастрофа.

А дальше обнаружится, что в Крыму наступило экономическое благополучие, наведен порядок, на улицах нет бандитов. Уже сейчас видно, что по сравнению с Украиной ситуация на полуострове гораздо стабильнее, осуществляются социальные выплаты и т. д. Понятно, что придется потрудиться, прежде чем качество жизни крымчан достигнет среднего по России, но в положительном результате сомнений нет. Перспектива же Украины видится в мрачных тонах. Вероятно, кризис приведет к распаду на две страны. Может быть, юридически он будет оформлен в виде федерализации, автономии двух частей. При этом непонятно, где окажется Киев, который хочет быть вместе с восточной частью Украины, чтобы высасывать из нее деньги, и вместе с западной — идеологически. Возможно ли это? Валовой национальный продукт в западных районах не превышает 1800 евро на человека в год. Если на эти средства содержать медицину, оборону, другие бюджетные отрасли, то что останется на жизнь (если они будут жить на собственные средства)? В восточной части страны ВВП достигает 8 тыс. евро на человека, то есть фактически она оказывается дойной коровой. Для сравнения: годовой ВВП России составляет 14 тыс. евро на человека.

Интересно, как в новой ситуации в России будет развиваться профсоюзное движение. Ведь мы понимаем, что не только площадью полуострова приросла Россия, но и двумя миллионами человек, среди которых сотни тысяч должны быть членами профсоюза. Какова судьба крымских здравниц? Посмотрим, как будет складываться ситуация.

Предлагаю обратить внимание на то, чем наша общественная ситуация отличается от украинской. О первом важном отличии я уже сказал: благодаря Владимиру Путину государству удалось стать выше олигархов. Второе обстоятельство, на мой взгляд, важное для нашего

профсоюзного движения: я считаю, что Михаилу Викторовичу Шмакову, несмотря на все сложности, удалось значительно продвинуть идею трипартизма. После 1991 года профсоюзное движение могло развиваться по-разному, и то, что ФНПР взяла курс на создание системы трехстороннего партнерства, будет иметь большие исторические перспективы. На этом пути можно выделить два этапа. Первый этап — до того, как Путин стал премьер-министром, второй — после того, как он возглавил правительство. Когда он еще не работал в этой должности, профсоюзы в его поле зрения практически не попадали, поэтому он мало работал с нами. Когда же он оказался на посту председателя правительства, у него возник совершенно иной контакт с Михаилом Викторовичем Шмаковым. Путин, конечно, очень талантливый человек, но, думаю, даже он не имел достаточно глубокого представления об идее трипартизма, о том, чем занимается ФНПР. Он помнил, что в советское время профсоюзы были важным институтом и имели большой авторитет в обществе, но в первые президентские сроки эти вопросы находились за пределами его внимания. Ну а госаппарат до сих пор позиционирует себя как враг профсоюзного движения.

Есть одна любопытная деталь, на которую мало кто обращает внимание. Мы знаем, что Владимир Путин и Дмитрий Медведев окончили юридический факультет одного и того же университета. Спрашивается: чем различается их образование? А тем, что Путин по диплому юрист-международник, а Медведев — специалист по хозяйственному праву. Дмитрий Анатольевич действительно превосходный специалист по хозяйственному праву.

Путин же блестяще проявляет себя во всем, что касается международных вопросов. Ему интересна эта деятельность, и мы должны понимать это, когда слушаем его выступления или узнаем о том или ином

решении. К этому можно добавить, что он из семьи фронтовика-ленинградца, это тоже важно.

Д. Медведев оказался близок к либералам и правым в силу того, что смотрел на жизнь (уже начиная со II–III курсов вуза) с точки зрения предпринимателей. Он постоянно находился на стороне предпринимателей, занимался не трудовым правом по своей специализации, не профсоюзным правом, а той стороной права, которая обеспечивает работу предпринимателей. До администрации президента он пришел в целлюлозно-бумажную компанию «Илим Палп», где работал заместителем генерального директора и занимался приватизацией, собственностью, акциями и т. д.

На раннем этапе государственной деятельности, когда Медведев уже входил в аппарат президента, он выступил в Петербурге с характерным докладом. Я был неприятно поражен услышанным. Суть доклада заключалась в том, что к государству можно подходить как к крупной корпорации, например, такой как Газпром (а он тогда был председателем правления концерна, сменив на этом посту Рэма Вяхирева), и что государством можно управлять как крупной корпорацией. Такое представление ущемно, потому что не учитывает социальный фактор, социум, социальную среду, роль культуры и т. д.

Когда В. В. Путин возглавил правительство, М. В. Шмаков получил возможность регулярно, систематически излагать ему свою позицию, свои взгляды. И я хочу обратить ваше внимание на выступление В. В. Путина на заседании Международной организации труда. Путин впервые в истории Советского и Российского государства выступил в штаб-квартире Международной организации труда в Женеве. В стране это событие осталось незамеченным. Между тем, В. Путин, перед тем как поехать в Женеву, собрал сведения о Международной организации труда и сформировал личные представления об этой организации.

Существует много различных международных организаций. Выступал ли Путин на съезде Всемирной организации здравоохранения? Это не менее масштабная организация с бóльшим финансовым оборотом. Есть и другие организации с бóльшим оборотом, например Международная организация по сельскому хозяйству и продовольствию. В нее входит много стран. Но Путин ни разу не выступал на заседании этой организации. Разве у России нет интересов в этой сфере? Существует много организаций, вес которых намного больше несопоставим со значением Международной организации труда. Но им Владимир Владимирович внимания не уделяет.

Для того чтобы выступить на заседании МОТ, В. Путин должен был прийти к внутреннему убеждению, что это нужно сделать. Это свидетельствует о том, что профсоюзы в нашей стране медленно, поступательно поднимаются на более высокий уровень и правильно себя позиционируют.

Я считаю, что ФНПР и М. Шмаков последние десятилетия, больше 20 лет, работают в чрезвычайно сложной обстановке. Когда в профсоюзах в конце 1980-х — начале 1990-х был разрушен демократический централизм, обстановка для российских профсоюзов существенно усложнилась. Этот этап до сих пор не закончился, несмотря на последние решения съезда, которые укрепляют вертикаль в профсоюзах. Например, израильские профсоюзы в любой момент могут позвонить правительственному чиновнику со своими требованиями, и тот прекрасно понимает, что произойдет, если он не договорится с профсоюзами. Премьер-министр Израиля не может вылететь из страны, если бастуют профсоюзы, потому что они все делают вместе: когда проходит забастовка профсоюзов по всей стране, бастует в том числе и профсоюз авиаработников.

В России низы предлагают ФНПР решать вопросы с начальством. А где тот молоток, та дубинка, которой ФНПР может стукнуть по столу и сказать: «Если вы не сделаете так, как нам надо, то у нас будет общенародная забастовка, и вы не то что вылететь за рубеж не сможете, вы до работы не доедете». Где эта дубина? Ее нет. Нет реальной возможности прижать власть. Демократический централизм был разрушен. И то, что в этой ситуации профсоюзам удастся привлекать все большее внимание общества и к нам все более серьезно относятся, — следствие кропотливой работы.

Сейчас мы завершаем расследование некоторых дел в информационном поле, которые имели место перед последним съездом. Я имею в виду информационную атаку на А. К. Исаева. Была определенная информационная атака и на Университет, связанная с пикировкой якобы между мной и студенткой по поводу цен в университетской столовой и т. д. Мы, анализируя огромный массив информации, пытались осмыслить, как строится работа в Интернете, информационном пространстве, где здесь доля естественного, а где — доля искусственного, где что-то было специально смоделировано. Андрею Константиновичу Исаеву, может быть, в той истории не повезло, но по-товарищески мы можем ему сказать, что надо быть осторожнее, когда ты работаешь на таком политическом уровне. Но сегодня уже известно, что из властных структур поступила команда дискредитировать Исаева, причем команда была связана непосредственно со съездом. Полдня раскручивалась кампания, потом, когда вмешались профсоюзы, оставшиеся полдня она «гасилась». Раскручивали ее те же люди, которые потом и гасили. Утром они дали команду «мочить» Исаева, а вечером похлопывали профсоюзы по плечу и говорили о дружбе. Как только была остановлена кампания, направленная против Исаева, началась кампания против Гуманитарного университета

профсоюзов. При этом были задействованы те же информационные ресурсы для вброса, те же самые методы.

В Петербурге работает информационная структура «Диалог». Мои помощники в течение нескольких месяцев не могут найти ни одного журналиста, который знал бы хоть что-нибудь об этой информационной структуре. На ее сайте сказано, что это новая организация, которая создана молодыми талантливыми журналистами. Какими журналистами — никто не знает. Похоже, что создана контора-«поганка», через которую делаются информационные вбросы. Потом другая информационная контора, уже покрупнее, перепечатывает информацию, затем ее транслируют 2–3 интернет-ресурса общероссийского масштаба. Причем в случае с нашим Университетом произошло то же самое, что имело место в случае с Исаевым, та же самая схема. Информационные ресурсы, которые были задействованы, — это «Лента», где сейчас сменили генерального директора, и другие антипутинские структуры. Все это делалось накануне съезда. Замечу, что на следующее утро после того, как прошел съезд, история прекратилась, все было выключено, как тумблером (может быть, так совпало или деньги на «заказуху» закончились). Скандал привлек внимание 2 млн человек, потому что были задействованы огромные информационные ресурсы.

Властные структуры, чиновники продолжают то, чем они занимаются много лет. Они продолжают пестовать альтернативные профсоюзы, псевдопрофсоюзы, у которых нет профсоюзного членства. Их раскручивают с помощью апробированных технологий. Например, «выдающийся эксперт по профсоюзам» Миловидов дает интервью и рассказывает о том, что существуют альтернативные профсоюзы, и т. д. Альтернативные профсоюзы существуют, но членов там нет. Первоначально, в 1990-е годы, это была практически официальная государственная политика. Ее идеология исходила из того, что социальная

система в Советском Союзе была хорошо выстроена: существовали сильные профсоюзы с большим членством и другие формы социальной работы. А предприниматели после краха СССР оказались слабыми, и их необходимо было поддерживать, вырастить сильный класс предпринимателей. И в этом случае две силы уравниваются. То есть проводилась целенаправленная государственная политика, целью которой в трехстороннем партнерстве было дать дорогу предпринимателям, а профсоюзы загнать в дальний угол. При этом случилось то, что до сих пор ни Шмакову, ни ФНПР не удается устранить, — профсоюзы тотально проигрывают борьбу на информационном поле, в средствах массовой информации. СМИ-то принадлежат олигархам.

И здесь я хотел бы сказать несколько слов о тех изменениях, которые произошли с капитализмом во второй половине XX века. Многие изменения мы замечаем. Например, изменение рынка труда, когда работник оказывается оторван от предприятия, работает дома за компьютером, выведен за пределы коллектива. Многие изменения профсоюзы заметили и осмыслили. Но некоторые фундаментальные изменения капитализма не осознаны и в России, и за рубежом. Имеются единичные научные работы советских теоретиков, которые предвидели то, что произойдет. Но в нашем информационном поле это отсутствует. Мы понимаем, что капитализм вошел в постиндустриальную эпоху, эпоху информационных технологий, но до конца не осознаем, как это сказалось на сути капитализма. Принципиальное изменение состоит в том, что по сравнению с временами Карла Маркса рынок перестал быть стихийным. Марксистская теория, которую мы исповедовали в Советском Союзе, основывалась на понимании рынка как стихийной силы, понимании свободной конкуренции, когда ряд производителей конкурирует на рынке услуг, стремясь создать качественную продукцию. И в этой борьбе

выигрывает тот, кто создает наиболее качественную продукцию. Считается, что в этом заключается огромное преимущество рынка.

Что же произошло? Рынок перестал быть свободным и стихийным. Конкуренции в первоначальном виде уже не существует. Помните, как в нашей стране люди покупали первые автомобили «Волга», с каким ощущением и как к этому относились? Мы покупали вещи на всю жизнь, потому что они делались на века. Если покупали костюм, то носили его всю жизнь. Он был сшит из хорошей ткани. Сегодня проблемы качества в этом смысле не существует. Западный потребитель обновляет свой гардероб два раза в год. Надеть в следующем сезоне то, что носил в предыдущем, невозможно. И вся индустрия работает на это. Понятие качества совершенно изменилось.

Французская туалетная вода для женщин всегда была ценностью. Сейчас у каждой женщины в ванной или на тумбочке стоит не один флакончик любимых духов. Стоимость каждого флакона — примерно 50 евро. Производство одного флакона туалетной воды, который продается в магазинах от 30 до 120 евро, не стоит больше одного евро. При этом производство находится в Африке. Машина «бугатти», которая продается за миллион евро, стоит не дороже 20 тыс. евро. Швейцарские часы, которые продаются за 100 тыс. евро, в производстве стоят меньше 10 тыс. Более того, все механизмы при всем большом разнообразии марок производятся на трех фабриках в Швейцарии.

Производство де-факто ушло из цеха и перенеслось в наши головы. Это принципиальное отличие современного капитализма. Цена товара создается не на предприятии, а у нас в сознании. Процентом 60 стоимости флакона духов — это реклама. В любом глянцевого журнале обязательно представлен ряд брендов. Создателям фильма про Джеймса Бонда производители из разных фирм, рекламные агенты заплатили за то, чтобы герой был одет именно в этот костюм, ездил именно на этом автомобиле,

пил именно этот коньяк, носил именно эти часы. Деньги на рекламу — это производство смысла товара у нас в сознании, в мозгу. (Я, как культуролог, мыслю этими категориями.)

Для чего когда-то создавалась реклама? Чтобы донести до людей информацию о смысле товара, его потребительских качествах. В Советском Союзе, как вы знаете, ее практически не было. Когда у нас в Ленинграде построили первый завод по производству пепси-колы, американцы заложили 7 % в стоимость товара расходов на рекламу. Когда в Ленинграде об этом узнало начальство, оно хохотало: какие расходы на рекламу? У нас и так все купят. На Западе реклама сначала действительно сообщала о свойствах того или иного товара, потом она начала создавать прибавочный продукт в сознании людей.

Интересен в этом смысле журнал «Плэйбой», который был создан Хью Хефнером. В Америке после войны, в 1950-е годы, впервые в мире появился новый большой слой богатых необразованных людей, людей из низов, «из народа», благодаря хватке, предприимчивости заработавших большие деньги. Эти люди имели деньги и хотели их потратить, показать себя в обществе. И журнал «Плэйбой» стал объяснять, какие часы носить, как ухаживать за девушками, какой коньяк пить, какой ремень надевать, какие должны быть запонки у людей с деньгами. При этом журнал изначально был рассчитан на богатых американцев с доходом 15 тыс. долларов в год, но оказалось, что его читатель имел средний доход 5 тыс. долларов. Но за счет правильно выбранной пряжки ремня и запонок эти люди демонстрировали свою приобщенность к высшему свету. Журналом была создана дополнительная стоимость товаров, причем не в марксистском смысле, а добавка к стоимости продукта в сознании людей. Нароботав эту методику, когда качество в продукте неважно, а важен престиж, они начали вбивать нам это в голову. Девочка хочет надеть наряд именно от Кардена или купить косынку от Гуччи. Затем Запад перешел к

фабрикации смыслов там, где дело касается имиджа политиков, крупных менеджеров. Начали с предвыборных кампаний президентов. Сейчас уже конструируется даже смысл жизни людей.

В России произошла серьезная переориентация. В советское время у нас избыточный интерес к материальным ценностям даже порицался. Говорили, что важно в первую очередь духовное, во вторую — материальное. Сейчас государство, власть, псевдоэлита поставили задачу сформировать человека-потребителя. Это нечто противоположное человеку-творцу, которого мы в Советском Союзе пытались сформировать и формировали. И это, безусловно, манипуляция. Мы вынуждены не только платить за духи в 50 раз больше, чем они реально стоят, но и считать покупку массы раздутых по значимости товаров смыслом жизни. Манипуляции были распространены на сферу социальных отношений.

И чем занялась администрация Ельцина в 90-е годы? Ее руководители решили, что если существуют способы манипулирования людьми, то надо создать на телеэкране определенную картинку, чтобы с ее помощью дальше манипулировать политическими процессами. Они стали манипулировать заодно системой ценностей, нравственным миром, отношением людей к жизни и т. д. Они захватили все телеканалы, как мы понимаем, с помощью олигархов. У администрации президента, и особенно с приходом В. Ю. Суркова на пост заместителя ее руководителя, это все приняло характер целенаправленной политики. Когда к руководству страной пришел В. В. Путин, у меня возник вопрос, зачем они это делают, зачем аппаратчики используют гнилые технологии оболванивания граждан? У меня было непонимание: вот есть Путин — замечательный человек сам по себе, с весьма здравыми взглядами, понятными народу, ты просто освещай его взгляды, и люди будут его поддерживать, голосовать за него. А администрация президента все время пытается применить какое-то телевизионное манипулирование. Я не мог

этого понять. Но чиновники целенаправленно с помощью западных технологий создавали систему манипулирования обществом, чтобы в любой ситуации — Путин ли президент или нет — контролировать общественное мнение.

Сурков, как вы знаете, пришел из корпорации Ходорковского, где занимался рекламой, и перенес методы своей работы у олигарха на государственную политику. СМИ в первую очередь реализуют то, что задано властными структурами, на втором месте находятся интересы олигархической прослойки, бизнеса и т. д. В Москве уже много лет существует очень простая договоренность: в Кремле проходят пятничные совещания, на которые вызывают руководителей крупнейших телеканалов и говорят, чем им надо заниматься. Но контроль со стороны государства подлежат только новостийные программы, а все остальные — занимайтесь, чем хотите, зарабатывайте деньги, это коммерция. И телевизионные боссы, конечно, работают на интересы своих реальных хозяев № 2, то есть олигархического капитала.

В этой ситуации загнать профсоюзы на периферию общественного сознания технически не сложно. И еще раз подчеркну — на съезде я выступал на эту тему, — что мы сами помогаем это делать, потому что замыкаемся в какую-то, если выразаться научными терминами, субкультуру. В профсоюзах со времен советской власти поддерживается свой стиль, свой язык, свое отношение к людям. С одной стороны, это хорошо, но с другой — надо разбираться в том, что вокруг нас происходит. Как мы выглядим со стороны.

Мне вспомнился случай из жизни. Как-то, когда мой сын был маленький, я его привел к настоятелю одного петербургского собора. Все его знают в городе как замечательного человека. А мне было сложно, так как я один воспитывал ребенка, не все получалось. Дай-ка, думаю, священника попрошу, чтобы он с сыном поговорил. И вот я стал слушать,

как священник говорит с моим ребенком, и пришел в недоумение, потому что ничего более далекого от детского сознания я себе представить не мог. Священник стал рассказывать строгим тоном ребенку, что если он будет себя плохо вести, то после смерти попадет в ад и там его будут жарить в геенне огненной. Мой маленький сын был сильно напуган этим разговором. Но какой это имело воспитательный эффект? Думаю, весьма сомнительно, что он был положительным, ребенок просто испугался. Он мне ничего не сказал, но я понял, каково было его мнение: «Папа, никогда меня к этому дяде больше не води, потому что это ужас какой-то». У священника был к тому же хорошо поставлен голос, который вызывает сильные эмоции: я сам был в ужасе, когда представил, что мой ребенок будет гореть в геенне огненной.

Вот так и у нас в профсоюзах: мы друг друга понимаем очень хорошо, но как только начинаем общаться с людьми, кто не вовлечен в нашу сферу, возникают какие-то отрицательные эффекты, потому что мы не адаптируем свой язык и не можем доходчиво доносить до людей простые истины. Очень простые истины мы все-таки затрудняемся донести. Ну и, конечно, как мне кажется, наше профсоюзное руководство, в первую очередь ФНПР, должно было бы озаботиться тем, что необходимо иметь свою газету, национальную. И, может быть, ради этого стоило бы продать несколько санаториев или что-нибудь еще (только не Гуманитарный университет профсоюзов, пожалуйста), привлечь хороших журналистов. Конечно, и создать свой телеканал. Если бы этим занялись своевременно, у нас был бы свой канал не хуже «Звезды», который доносил бы до масс нашу профсоюзную идеологию. Не обязательно ведь все время говорить слово «профсоюз», очень важно просто доносить до людей жизненные подходы, понимание жизни, жизненных реалий. В конце концов, есть простые факты, которые говорят о том, что профсоюзная деятельность в стране совершенно необходима.

Когда меня студенты спрашивают: «А зачем профсоюзы?», я отвечаю: «Работникам надо защищать свои права». Они говорят: «А многие предприниматели считают, что они сами все это делают для работников». Я объясняю: «Давайте посмотрим. Сейчас на Западе в любой фирме прибавочная стоимость в долларах или евро делится между фирмой и работником: если отбросить все затраты, 30 % прибавочной стоимости — фирме, а 70 % — работнику. У нас в стране ровно наоборот: 70 % — фирме, а 30 % — работнику». Сейчас чуть-чуть эти цифры изменились, может быть, 65 и 35 %. Академик Львов эти цифры высчитывал незадолго до своего ухода из жизни. Что происходит? Рабочие обижены — это плохо, работодатель его обокрал. Но дальше происходят вещи, в которых уже заинтересована вся страна. Рабочий полученные деньги несет в магазин. И вот здесь для страны огромная разница: из этого рубля, доллара или евро — не важно, отнесет он в магазин 35 или 65 %. Потому что, если он пришел на потребительский рынок со своими деньгами и за товары для детей, школы, жены, за одежду, игрушки заплатил 65 % из этого рубля, то почти все средства идут опять в производство, на развитие рынка. Рынок начинает «крутиться», растет валовый национальный продукт. На Западе, между прочим, из своей доли в 30–35 % предприниматель бóльшую часть реинвестирует в производство, потому что он делает какие-то шаги на рынке, заботясь о своей устойчивости. Ему реально достается, наверное, 5–8 % в виде чистой прибыли, и это хорошо.

Что у нас делает предприниматель? Он «гонит» свои деньги на Запад и покупает там завод или виллу. 30 млрд долларов Россия тратит в год на поездки за рубеж. Это на простых трудящихся уходит, что ли? Нет, эти деньги проматываются в ресторанах Парижа и бутиках Милана. Мы в этом заинтересованы, в этой пропорции? Наверное, страна заинтересована совсем в другой пропорции. И, конечно, роль профсоюзов мы должны подчеркивать непрерывно, ставить все на свои места в головах людей.

Профсоюзы, как я написал в книге, — это феномен современной цивилизации. Это ее достижение. Безусловно, проблемы существуют, и вы о них знаете не хуже меня. И, конечно, у нас далеко не все блестяще и далеко не все мы делаем для того, чтобы социальное партнерство направить в нужное для развития страны русло. Но я уверен, что постепенно мы этого добьемся, особенно если во главе страны и дальше будет стоять Владимир Путин, а во главе российских профсоюзов — Михаил Шмаков.

Вопросы и ответы

— *Александр Сергеевич, скажите, пожалуйста, несколько слов о ситуации в Российской академии наук. Ее роль все-таки чувствуется, сохранилась?*

— Честно говоря, я в отчаянии, скажу вам прямо — Путина обманули.

— *Вы про Фурсенко?*

— Все имена известны. Президента обманули. На протяжении длительного времени люди, которым он доверял, предоставляли неправильную информацию, о чем-то ему давали совершенно точную информацию, но не указывали причин. А причины достаточно простые: с момента прихода к власти Гайдара наука правящему слою стала не нужна. Понимаете, почему-то Сталин прекрасно работал с Академией наук, умел ее использовать на благо государства. И другие руководители умели. Конечно, в том, что касалось гуманитарных наук и экономики, к сожалению, недостаточно использовали достижения Академии наук, но там, где речь шла о технической сфере, на нее сильно опирались и

получали очень хорошие результаты. Кстати, Академия наук всегда говорила власти о том, что социально-экономическая политика страны является ошибочной, и практически с горбачевских времен обращала внимание президента на успехи реформы Дэн Сяопина в Китае, но Горбачев все это отбрасывал. А сейчас уже понятно, что во многом, не во всем, конечно, но в экономических реформах нам надо было идти китайским путем, о чем Академия наук говорила своевременно.

С момента прихода Гайдара стало ясно, что наука не нужна, поскольку она заботится о благе государства. Академия наук и все ее исследования направлены именно на это. С тех пор развивались псевдонаучные институты: это прежде всего Высшая школа экономики — основной опорный пункт Минэкономразвития, и Академия госслужбы, хотя в меньшей степени. Там разрабатывались совсем другие рекомендации, выгодные олигархам. И в конце концов правительство привыкло жить с этими двумя псевдонаучными центрами, которые его обслуживают. Академики все время говорили, что то, что делается, неправильно, надо делать иначе. И вот когда правительство 20 лет поработало с Высшей школой экономики и Академией госслужбы и довело Российскую академию наук до очень тяжелого состояния недофинансированием, оно стало говорить: «Ну, посмотрите, какое там тяжелое состояние. Давайте ее вообще прикроем». Хотя сейчас совокупный бюджет Академии госслужбы и Высшей школы экономики уже реально больше, чем всей Академии наук со всеми ее зданиями, техническими установками, агрегатами, синхрофазотронами и пр. А реальный бюджет только одной Высшей школы экономики сейчас больше 1 млрд долларов, при этом 350 млн из них дает Запад за продажу тех результатов, которые ему нужны. В общем, чиновники воспользовались моментом смены руководства в Российской академии наук, когда она была ослаблена, потому что при старом составе не удалось бы все это сделать,

так как он обладал очень крупной системой общественных связей, которые нейтрализовали эти попытки.

На пост президента РАН пришел Владимир Фортов, хороший, сильный ученый, но он оказался, как говорится, «не в теме» и, по-моему, просто сломался, когда понял, что у него не получается.

Увы, Академия наук во многом вела себя по-старому, считая, что государство должно понимать, зачем нужна наука. А государство уже не хотело это понимать. Надо было менять тактику в целом. Сейчас, по моему мнению, Академии нанесен страшный удар, она дезорганизована. Происходит трагедия, и присутствовать при этой трагедии морально очень тяжело. Руководство Академии не понимает, как работает госаппарат и как надо их проискакам противостоять. Уже отделили от Академии институты. Создано Федеральное агентство научных организаций, и директора институтов сейчас уже в Академию не ходят, все вопросы решаются через это агентство.

М. А. ГРИННИК: — Александр Сергеевич, мой вопрос касается Украины: сейчас украинские власти уже готовы взять на страну бремя в обмен на финансовую поддержку со стороны Запада, в частности США, понимая, что они сами не справятся с кризисом. Скажите, пожалуйста, Вы не рассматриваете такой вариант, что тем самым они могут спровоцировать гуманитарную катастрофу у наших границ, чтобы мы за это все заплатили?

— Вы знаете, даже если они не будут провоцировать гуманитарную катастрофу, к огромному сожалению, она скорее всего случится. Но сейчас геополитическая обстановка сложилась таким образом, что за ситуацию отвечает Евросоюз. Переворот срежиссировала Америка. Конечно, мы это понимаем, она за последние 20 лет 5 млрд долларов в это вложила, а

теперь все сваливает на Евросоюз, который должен случившееся расхлебывать. Но он со сложившейся ситуацией справиться не в состоянии, так что гуманитарная катастрофа, по-моему, неизбежна. Дальше, возможно, начнется регулировка этого процесса, когда уже всем придется говорить о происходящем другим языком. Поэтому, с моей точки зрения, федерализация Украины неминуема.

Если это случится, России придется нести очень большие расходы, но в рамках уже совершенно иной политической ситуации. То есть мы не дадим свои деньги кому попало. Вряд ли Россия будет субсидировать Западную Украину. Я считаю, совершенно невозможно, чтобы мы в этот «общий котел» бросали деньги. Думаю, сейчас много вариантов проблем просматривается, например наплыв беженцев.

— *Александр Сергеевич, в развитие Вашей темы по образованию: в нашей стране появилось такое понятие, как «пятая колонна». Куда дальше пойдём в связи с этим?*

— В руководящей прослойке есть мнение, что если в России сделать все как на Западе, то у нас и жизнь будет как на Западе. И руководители наши идут по этому пути, но у них всегда что-то не получается, и все проваливается. Сейчас в Москве сидит безумная команда, принявшая чудовищный закон об образовании, с концептуальными ошибками. Президент «в ручном режиме» пытается что-то исправлять. Вот сейчас распорядился ввести сочинение. Теперь надо обдумать, может ли ЕГЭ быть единственным экзаменом, и т. д. Конечно, мы когда-нибудь из этой ситуации выйдем и будем двигаться в лучшую сторону, но не скоро и многое развалив. Я большой пессимист, потому что каждый месяц получаю по несколько циркуляров от Министерства образования и науки РФ, от которых я в шоке.

В Москве чиновничий аппарат освоил новые принципы работы с населением. Они заключаются в том, что выбегает чиновник, например министр, и бросает фразу: «Мы сейчас изменим ЕГЭ, будет так-то и так-то». Это как работа фокусника: пока щелкал пальцами, в это время другой рукой из кармана зрителя вытащил кошелек. Внимание народа отвлекается ложными заявлениями. Люди переживают, у них дети школу заканчивают. Газеты все это обсуждают. Потом через три месяца тот же человек выбегает: «Нет, мы подумали — не будем менять ЕГЭ». А на самом деле за это время чиновники втихаря столько гадостей понаделали, что уму непостижимо. Я подозреваю, что это не только в Минобрнауки происходит. Представители разных отраслей отвлекают внимание общества, вбрасывая какую-то идею. Потом говорят: «Люди, мы вас услышали. Мы не будем этого делать. Вот спасибо, что вы нам подсказали, вы такие умные». И мы все говорим: «Какие чиновники молодцы, что не будут делать эти гадости, потому что это был очевидный идиотизм с самого начала». А они там уже наприносили подзаконных актов совсем по другим вопросам, что-то там «распатронили». Растащили Академию. Сказали, что будет мораторий на увольнения и т. д., а сами сидят и потирают руки: через три года все эти директора вообще помрут, тогда мы все это своим ребятам передадим. Если это будет продолжаться — развалим все.

Благодарю вас всех за то, что здесь собрались. И очень прошу вас: опирайтесь на нас, давайте нам поручения, не забывайте, что СПбГУП — ваш Университет.